

**METHODS OF THEORETICAL INVESTIGATION
WITHIN THE PROCESS OF TEACHING CREATIVITY
IN FOREIGN THEORY OF EDUCATION**

Skvortsova S.V.

Key words: *foreign theory of education, teaching creativity, teaching method, method of theoretical investigation*

Analysis of original foreign psychological and pedagogic literature devoted to the problem of teaching creativity is given for the sake of singling out teaching methods, contributing to the development of students' creative abilities. The author gives essential characteristics of the so-called methods of theoretical investigation, gives recommendations for their use in the teaching process and analyses their role in developing students' creativity.

УДК 94(47).084.8

**ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ В КРЕСТЬЯНСКИХ
ПИСЬМАХ В СОВЕТСКИЕ ГАЗЕТЫ**

Исследование осуществлено при поддержке РГНФ. Грант № 13-11-73002
«Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время
(1945-1953) (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей).

Хасянов О.Р., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и экономической теории ФГБОУ ВПО «Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина», г. Ульяновск

Ключевые слова: *советское крестьянство, повседневность, социальная история, Устав сельскохозяйственной артели, колхоз, социальная проблема, торговля, пьянство, периодическая печать, газета, письма, нарушение закона.*

Аннотация: *в статье на основе анализа крестьянских писем, опубликованных в периодических изданиях Куйбышевской и Ульянов-*

ской областей в 1946 году, предпринята попытка выявить наиболее острые социальные проблемы послевоенного сельского общества Среднего Поволжья. Автор полагает, что советская периодическая печать действовала в рамках определенной политической конъюнктуры и заранее заданных идеологических клише, но, несмотря на это, на ее страницах публиковались письма, содержащие критику сложившейся практики колхозного руководства, торговли и культурного обслуживания населения. По мнению автора, наиболее остро в послевоенном сельском социуме стояли вопросы соблюдения закона должностными лицами колхозной и сельской администрации, торгово-бытового обслуживания и культурного строительства.

В истории России XX век оказался временем масштабных социально-политических трансформаций: череда революций, смена нескольких модернизационных волн и социальных экспериментов. Последствия данных событий коренным образом изменили социальную картину российского социума. Реализация грандиозного советского проекта позволила властной элите за кратчайшее время создать мощную индустриальную державу. Но издержкой этого процесса явилась потеря особого слоя советского социума – крестьянства. Необходимо отметить, что российское общество длительное время оставалось крестьянским, большинство населения вплоть до середины XX века было занято в сельскохозяйственном производстве. Вследствие этого российская культура несет в себе элементы крестьянской ментальности. Ее отличительными чертами являются прагматизм, смекалка, трудолюбие, духовность, сострадание, умение приспособиться к любым условиям внешней среды, инициативность.

Именно традиционные черты крестьянского социума способствовали скорейшему преодолению советским обществом катастрофических последствий Великой Отечественной войны и восстановлению довоенного уровня развития хозяйства. Ценой невероятных усилий, материальных лишений, продовольственных трудностей, героическим трудом миллионов советских граждан шел процесс построения мирной жизни. Как и в довоенное время, основным источником поставки материальных и людских ресурсов для нужд индустриальной экономики являлся аграрный сектор, а сельские жители оставались самой бесправной категорией советского общества. Крестьяне не имели паспортов и не могли беспрепятственно перемещаться по стране [1]. Это затрудняло возможность трудоустройства выходцев из села на промышленные предприятия за пределами сельского социума. Как отмечает американ-

ская исследовательница Ш. Фицпатрик, свое положение в колхозной системе крестьяне оценивали как крепостную зависимость [2].

История повседневности различных социальных слоев российского и советского общества в последнее время приобретает особую актуальность. Повседневные практики послевоенного крестьянства еще не привлекали должного исследовательского внимания. А вместе с тем, без всестороннего исследования роли крестьянства в послевоенном СССР невозможно воссоздать объективную картину жизни советского социума во второй половине XX столетия.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны привело к необычайному духовному и эмоциональному подъему гражданского населения. Победа в глазах миллионов советских граждан доказала преимущество советского строя. Она же и породила множество надежд на изменение социально-экономической политики государства, особенно среди крестьянского населения. Крестьянство надеялось на роспуск колхозов, ослабление диктата партии, в частности в религиозной жизни, улучшение социально-бытовых условий и продовольственного положения.

Обращаясь к проблеме анализа повседневной жизни послевоенного села, исследователь сталкивается с отсутствием широкого круга исторических источников, способствующих решению данной задачи. Одним из таких источников, позволяющих получить информацию о социально-бытовых условиях крестьян, их культурных запросах и происходящих ментальных изменениях, является советская региональная периодическая печать. Несмотря на то что советские газеты находились под жестким идеологическим контролем партийных институтов, в них содержится большой массив информации, иллюстрирующей повседневную жизнь колхозной деревни.

В крестьянских письмах, словно в зеркале, отражались социальные проблемы послевоенного сельского общества: произвол местных властей, пьянство, нарушение трудовой дисциплины, жесткая эксплуатация членов колхоза, отсутствие элементарных материальных благ и финансовой заинтересованности крестьян в результатах своего труда.

19 сентября 1946 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) принимает постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Принятие данного постановления должно было покончить с самодеятельностью местной администрации, нарушением трудовой дисциплины, расхищением и «разбазариванием» социалистической собственности в колхозах. На деле реализация данного постановления вылилась в очередную кампанию, направленную на борьбу с самостоятельностью подсобных крестьянских хозяйств, которую те

приобрели в годы Великой Отечественной войны. В частности контролирующие органы изымали излишки приусадебных участков колхозников и ставили всевозможные заслоны для использования колхозной техники, тягловой силы в индивидуальных крестьянских хозяйствах. В свою очередь крестьяне берут на вооружение тактику пассивного сопротивления, заключающуюся в обличении местных руководителей в нарушении Устава сельскохозяйственной артели. Обращаясь в редакции газет, колхозники стремились уравнивать в правах сельскую властную элиту и обывателей, требуя соблюдения закона должностными лицами. Так, уже в октябре 1946 года официальный печатный орган Ульяновского областного ВКП (б) – газета «Ульяновская правда» – опубликовал коллективное письмо членов сельскохозяйственной артели имени Димитрова (Сенгилеевский район), в котором сообщалось о нарушении основ Устава не только председателем колхоза, но и районными руководителями. Районные власти без решения общего собрания членов сельскохозяйственной артели нарушили демократические основы колхозного самоуправления и назначили М.Ф. Давыдова председателем колхоза. Пользуясь всевозможной поддержкой районного руководства, назначенный председатель свел к минимуму роль общего собрания, решения принимал «самолично», а протоколы собраний фабриковал [3; с. 3]. Также он стремился получить всевозможные материальные выгоды из своего положения. Например, «всю весну и лето Давыдов ремонтировал дом за счет колхоза, начисляя плотникам трудодни, пользуясь колхозным тяглом» [3; с. 3].

Использование своего положения председателями колхозов не было единичным случаем. Колхозники из различных сельскохозяйственных артелей сообщали в редакции о нежелании председателей колхозов считаться «с законом колхозной жизни» [4; с. 3]. В 1946 году председатель колхоза «Красный Яр» Николо-Черемшанского района Ульяновской области Филагов в нарушении Устава расширил свой приусадебный участок до 2 гектаров. На нем выращивал рожь, которую обмолачивал колхозным комбайном на току [4; с. 3]. Председатель колхоза имени О. Шмидта в Похвистневском районе Куйбышевской области Кузьмин в том же году засеял 2 участка размером более гектара, тем самым так же нарушив закон.

Нередко крестьяне в своих письмах сообщали о пьянстве и разгульной жизни колхозного руководства во время посевной и уборочной кампаний. В коллективном письме членов сельскохозяйственной артели «Память Ильича» было указано, что председатель колхоза Кормилицын «сознательно саботировал уборочные работы, занявшись пьянкой». С 23 по 25 сентября 1946 года Кормилицын гулял на свадьбе у пчелово-

да Бессольцевой, а 6 и 7 октября – у секретаря сельского Совета Чебока. В эти дни колхозники перестали выходить на работу, а «председатель, как ни в чем не бывало, ходил с плясками по селу в старинном свадебном наряде» [5; с. 2]. Как отмечали колхозники артели имени Степана Разина, систематическое пьянство председателя А.С. Голубева привело к «развалу» артельного хозяйства [6; с. 4]. Он пьянствовал во время сенокоса, уборки урожая и озимого сева на виду у всех колхозников, в тракторной бригаде. С общественным мнением Гордеев не считался, полагая, «что колхоз – его собственная вотчина» [6; с. 4].

Во время уборочной страды уходили в пьяный загул не только председатели колхозов, но нередко и руководители сельсоветов. Так, вместо того чтобы помочь правлению колхоза в мобилизации сельского населения на уборку урожая 1946 года, председатель Бригадировского сельского Совета т. Кирсанов «занялся пьянкой» [7; с. 3].

Оказавшись в трудных материальных условиях, колхозники всячески искали способ улучшить свое материальное положение, часто прибегали к хищению колхозного имущества, в частности зерна. Нередкими были случаи, когда председатели колхозов, зная о фактах расхищения зерна, не сообщали об этом в компетентные органы и старались без лишней огласки решить возникшую проблему на месте. Бывали случаи, когда члены колхоза, стараясь дискредитировать председателя, о таких событиях сообщали в газеты. Так, член колхоза «12 лет Октября» В. Айбулатов, обратившись в областную газету, поведал о том, что «комбайнеры Нугайбеков и Бурганов вместе со старшим по току насыпали 44 килограмма зерна и повезли себе на квартиру» [8; с. 3]. Воры были задержаны, зерно возвращено на ток, но председатель колхоза Алабеков и секретарь парторганизации Рахмаев решили умолчать об этом преступлении и «даже не составили акт» [8; с. 3]. Данное действие и вызвало возмущение колхозника. В колхозе имени Бульгина Тереньгульского района с попустительства правления сельхозартели, часть колхозников расхищали корма. За счет уменьшения «запаса колхозных кормов» они создали для своих личных подсобных хозяйств немалые запасы сена [9; с. 2].

Председатели колхозов стремились скрыть факты правонарушений членами артели исходя из различных побуждений. С одной стороны, они, как и большинство крестьян, действовали в рамках коллективной стратегии пассивного сопротивления существующему колхозному строю, а с другой – часто сами пользовались колхозным имуществом как своим собственным, брали все необходимое для нужд своего хозяйства из колхозных фондов. Вследствие этого опасались масштабных

проверок контролирующих органов. В одном из обращений в газету колхозники писали, что в колхозе «Искра Ильича» Чекалинского сельсовета расхищено 90 центнеров сена и 70 центнеров соломы председателем сельского совета, председателем колхоза и счетоводом [10; с. 2]. А в колхозе имени Куйбышева Красноярского района Куйбышевской области председатель колхоза Шестеркин, «не посоветовавшись ни с членами колхоза, ни с членами правления, отдал трактористам на покос для скота личного пользования» часть колхозных лугов [11; с. 4]. Кроме того, нарушив решение общего собрания членов колхоза, он начал продавать по заниженной цене поросят сторонним людям, в основном работникам районной администрации [11; с. 4]. В колхозе «12 декабря» в 1946 году в первые же дни уборки урожая были похищены десятки центнеров зерна, а член исполкома сельсовета Шляпунина в колхозе «Память Ленина» незаконно забрала более центнера зерна [12; с. 2]. Председатель артели «Пятилетка в четыре года» Шигонского района Раков продавал на рынке колхозное зерно, а деньги присваивал себе [13; с. 2]. В сельскохозяйственной артели «Искра» Павловского района, председатель Панфутов «0,26 гектара артельного посева «подарил» районному уполномоченному Министерства заготовок т. Исаеву» [14; с. 3].

Бывали случаи, когда председатели колхозов пытались лишить колхозников причитающейся натуральной оплаты за выработанные трудодни. Так, член сельскохозяйственной артели «Правда» Кинель-Черкасского района Куйбышевской области А. Еремин в 1946 году обратился в газету «Волжская коммуна» с просьбой помочь получить от колхоза причитающиеся ему 4 центнера зерна, которые председатель артели не желал выплачивать, ссылаясь на исчерпанность 15 % фонда оплаты [15; с. 3].

Колхозницы из артели имени Чапаева Больше-Черниговского района сообщали о факте нежелания председателя колхоза Поставного производить дополнительную оплату дояркам И.П. Колесниковой и Е. Искриной за перевыполнение плана надоя молока [16; с. 2].

Закон в сельской местности нарушался не только по отношению к колхозникам, но и работникам культурно-образовательных учреждений. О возмутительном факте ущемления своих прав и преступной деятельности руководителей Ново-Бесовского сельского Совета сообщил в редакцию «Ульяновской правды» избач Ново-Бесовской избы-читальни Стариков. Он в течение 8 месяцев не получал заработную плату, «а деньги, предназначенные для этой цели, председатель сельсовета Салтин и секретарь Сурадзева получали по поддельной ведомости и пропивали» [17; с. 4].

В послевоенное время не только вопросы нарушения основ колхозно-

го строя волновали сельских жителей, большое количество писем, адресованных в редакции газет, были связаны с проблемой культурного строительства в советской деревне. Чаще всего, обращаясь в периодические издания, сельские жители просили поспособствовать в открытии клуба или обращали внимание общества и власти на недобросовестное исполнение своих должностных обязанностей работниками культпросвета. Молодежь села Новое-Никулино Тагайского района писала в редакцию «Ульяновского села правды» в 1946 году: «Молодежи нашего села негде культурно отдохнуть. Здание сельского клуба занято под склад глубинного пункта, а изба-читальня занимает «угол» в помещении сельского Совета» [18; с. 3]. В письме было также указано, что обращение в Тагайский райисполком пользы не принесло. И это не удивительно, так как клуб был отдан под глубинный пункт Заготзерно по прямому указанию районного руководства.

В ряде писем отмечалось плачевное состояние сельских домов культуры. Например, в колхозе «Кызыл-Чишмя» сельский клуб представлял жалкое зрелище – «дом без окон и дверей» [18; с. 3]. О доме культуры в селе Акшуат Барышского района писал А. Наместников: «Клуб в центре села заброшен, окна все побиты, имущество растащено и поломано» [18; с. 3]. Е. Руссел и А. Панарин сообщали о том, что на центральной усадьбе Серноводского зерносовхоза имелся хороший клуб, но он практически всегда был закрыт, и имеющаяся киноаппаратура никогда не использовалась, демонстрация кинокартин не производилась [19; с. 4].

После победоносного завершения Великой Отечественной войны колхозницы села Вылы Тагайского района Ульяновской области решили открыть в селе дом культуры [20; с. 4]. Подыскивали подходящее здание, которое было приобретено на деньги сельхозартели, а «председатель Выровского сельского Совета т. Кривоногов должен был привести здание клуба в порядок» [20; с. 4]. Этого он не удосужился сделать. Здание, оставленное на целый год без охраны и надзора начало разрушаться, «в окнах не осталось ни одного целого стекла».

В письме жителя поселка Жадовки В. Силуянова опубликованном в газете «Ленинский путь» отмечалось: работа и порядок в домах культуры «должны служить образцом для всего культурного населения» [21; с. 2]. Но, по его мнению, до образцового порядка было еще далеко. Силуянов отмечал, что в районном доме культуры царит неорганизованность. Опоздав на вечерний сеанс, приходилось ждать следующего стоя на ногах по 1-2 часа, т.к. «скамеек в зале ожидания нет» [21; с. 2]. Дождавшись очередного сеанса, все бросались к входу в кинозал, стремясь быстрее попасть во внутрь. Связано это было не с низким культурным уровнем насе-

ления, а с тем, что места и билеты не были пронумерованными, и стоили одинаково – 5 рублей. Билеты продавались без ограничения, в результате чего, многие были «вынуждены стоять весь сеанс» [21; с. 2].

Очень часто просмотр кинокартины вместо удовольствия доставлял зрителям «одно мучение» - «на экране, кроме бледнодвижущихся фигур» ничего не было видно [22; с. 2]. Кино проходило с перерывами и немым, несмотря на то, что оно было звуковым. Так, например, 21 июня 1946 года, когда шел американский фильм «Песня о России», дирекция дома культуры собрала деньги за кинопоказ, продержала зрителей в зале до часу ночи, но киноленту так и не продемонстрировали. Авторы писем были уверены: виной всему является пьянство руководителей культурного учреждения. Особое нарекание сельских жителей вызывала деятельность торговых организаций и их работников. Анализ крестьянских писем свидетельствует о том, что работники сельпо чувствовали себя людьми, наделенными особыми правами и выполняющими особую социальную задачу, не считаясь с мнением деревенских жителей. Так, в селе Малая Борисовка Базарно-Сызганского района продавец Е. Майорская в рабочее время занималась в основном своими личными делами, а сельский магазин был большей частью закрыт. В январе 1946 года для продажи поступила соль, но жители не могли ее купить, так как Е.Майорская отсутствовала. Прождав у дверей магазина 3-4 часа «и наконец, потеряв терпение», клиенты отправились на квартиру продавца, где она их встретила словами: «Черт вас носит не вовремя». Авторы письма справедливо вопрошали: «А когда же это время, ведь магазин закрыт круглые сутки и ежедневно» [23; с. 2]. Продавщица геранькинского магазина Петровского сельпо Давыдова утром магазин открывала очень поздно, а ее обед затягивался до 4 часов [24; с. 2]. В селе Эзекееве Кочкарлейского сельпо Ульяновской области продавец Краснова установила практику торговли на дому. Товары, хранились у нее дома, в особенности водка, которую она беззастенчиво продавала, разбавляя водой [25; с. 4].

Помимо неуважительного обслуживания сельские жители должны были потреблять продукцию низкого качества, содержащую всевозможные суррогаты. Из месяца в месяц пекарня Петровского сельпо выпекала хлеб низкого качества – «пшеничный хлеб ничем не отличался от ржаного: ... черный, сырой, горький и с примесью всевозможного навоза» [26; с. 2]. Жители села Никольское Николо-Черемшанского района Ульяновской области отмечали царившую антисанитарию в местной пекарне: «здесь грязь, выпечка хлеба плохого качества, часто с древесными листьями и

мочалом» [27; с. 2]. Даже, несмотря на низкое качество хлебной продукции, населению хлеб необходимо было «доставать», т.к. работники пекарни и сельпо распределяли хлеб по своим «знакомым и нужным людям» [27; с. 2]. Руководители Райпотребсоюза действенными мер по отношению к нарушителям правил торговли не принимали, т.к. сами пользовались незаконной схемой получения продовольствия. Так, например, главный бухгалтер Райпотребсоюза Гришин и его жена имели «возможность брать хлеб по 2 буханки в любом месте, со склада «чайной» тащить лещей, сазанов по 8-12 кг. и другие продукты...» [27; с. 2].

Таким образом, анализ крестьянских писем, опубликованных в областных и районных периодических изданиях, позволяет выявить наиболее острые социальные проблемы послевоенного советского общества. Необходимо отметить, что редакции газет, действуя в рамках идеологических штампов, при отборе писем руководствовались политической конъюнктурой. 1946 год в сельском хозяйстве характеризовался началом кампании по борьбе с нарушением Устава сельскохозяйственной артели. Этот факт во многом определил содержание публикуемых писем. Сами адресаты, колхозники, остро чувствуя веяния времени, через печатный орган пытались получить различные дивиденды: сместить неугодного председателя колхоза, получить определенную материальную выгоду и удовлетворение от торжества закона. На наш взгляд, обращаясь в газеты и сообщая о фактах нарушения основ колхозного строя высшими должностными лицами артели, колхозники стремились побудить политическое руководство к реформированию колхозной сферы, давали понять, что существующее положение на селе не отвечает требованиям большинства населения. А обращая внимание общества на сложившуюся практику неудовлетворительного исполнения должностных обязанностей работниками торговли и культурных учреждений, сельские жители подчеркивали свое законное право на получение достойных услуг, гарантированных гражданам СССР.

Крестьянские письма свидетельствуют о том, что в послевоенное время, под воздействием политики советских институтов, начинается процесс трансформации ментальных установок данной социальной группы. Обращения в печатные издания представителей сельского социума, демонстрируют изменения культурного облика самой советской деревни: растет образовательный уровень крестьянства, которое начинает интересоваться образами массовой культуры, меняется их представление о материальном достатке и благополучии.

Библиографический список:

1. Вербицкая О.М. Население российской деревне в 1939-1959 гг. Проблемы демографического развития. М.: Институт российской истории РАН, 2002. С.4.
2. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской деревни в 30-е годы: деревня. - М.: РОССПЭН, 2001. – 421 с.
3. Из числа «Назначенных». Коллективное письмо // Ульяновская правда. 1946. № 200. С. 3.
4. Шестоперов А. Вопреки уставу. // Ульяновская правда. 1946. 216. С. 3.
5. Устав сельскохозяйственной артели продолжают нарушать. Письмо в редакцию. // Ульяновская правда. 1946. № 217. С. 2.
6. Сибданов И. Председатель колхоза разваливает хозяйство. // Ульяновская правда. 1946. № 195. С. 4.
7. Пустовойтов А. Беззаботный председатель. // Ульяновская правда. 1946. № 219. С. 3.
8. Айбулатов В. Укрывают воров колхозного хлеба. // Ульяновская правда. 1946. № 215. С. 3.
9. В колхозе имени Булыгина расхищают корма. Коллективное письмо. // Колхозный труд. 1946. № 40. С. 2.
10. В ущерб артельному хозяйству. Группа колхозников. // Ульяновская правда. 1946. № 244. С. 2.
11. Председатель колхоза нарушает устав. Коллективное письмо. // Волжская коммуна. 1946. № 133. С. 4.
12. Сергеев П. В роли постороннего наблюдателя. // Волжская коммуна. 1946. № 220. С. 2.
13. Вернуть колхозное имущество. Обзор писем. // Волжская коммуна. 1946. № 237. С. 2.
14. Бородин В. Председатель колхоза потворствует расхитителям. // Ульяновская правда. 1946. № 201. С. 3.
15. Еремин А. Председатель, который не подчиняется закону. // Волжская коммуна. 1946. № 76. С. 3.
16. Задерживают выдачу дополнительной оплаты труда. // Большевик. 1946. № 41. С. 2.
17. По следам не опубликованных писем. // Ульяновская правда. 1946. № 203. С. 4.
18. Усилить внимание культурно-просветительным учреждениям. Обзор писем в редакцию. // Ульяновская правда. 1946. № 187. С. 3.

19. Панарин А., Руссел Е. На центральной усадьбе. // Волжская коммуна. 1946. № 141. С. 4.
20. Андреев С. Без хозяина. // Ульяновская правда. 1946. № 63. С. 4.
21. Силуянов В. Не соответствует названию. // Ленинский путь. 1946. № 30. С. 2.
22. Куликова А. Еще раз о Жадовском доме культуры. // Путь Ленина. 1946. № 31. С. 2.
23. Когда же открывается магазин? Коллективное письмо. // Большевик. 1946. № 17-18. С. 2.
24. Королев К. Лодырь за прилавком. // Вперед к коммунизму. 1946. № 16. С. 2.
25. Силантьев П. Магазин ... на дому? // Ульяновская правда. 1946. № 195. С. 4.
26. Аликова С. Навести порядок в пекарне и столовой. // Вперед к коммунизму. 1946. № 15. С. 2.
27. Никитин И. Навести порядок в торговле. // Красный Черемшан. 1946. № 45. С. 2.

**REPRESENTATION OF POST-WAR EVERYDAY
PROBLEMS OF RURAL SOCIETY IN THE PEASANTS'
LETTERS TO THE SOVIET NEWSPAPER**

*Khasyanov O.R., Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education Ulyanovsk State Agricultural
Academy named after P.A. Stolypin*

Keywords: *Soviet peasantry, everyday life, social history, charter, farm, a social issue, sale, drunkenness, periodicals, newspapers, letters, violation of the law.*

Annotation: *The article based on an analysis of peasant letters published in the periodicals of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions in 1946, attempted to identify the most pressing social problems of post-war rural society of the Middle Volga. The author believes that the Soviet periodicals acted within certain political conditions and predetermined ideological cliches, but, despite this, in its pages published letters critical of the established practice of the collective farm management, trade, and cultural services. According to the author, most acutely in the postwar rural society were the observance of the law officers of the collective farm and the village administration, trade and consumer services, and cultural development.*